

— Тц, — Шэнь Сяогуан усмехнулся с издёвкой. — В десять раз? В сто раз? А что, если я скажу, что мне нужна твоя жизнь?

Шэнь Цзуннянь ответил без колебаний:

— Хорошо. Но ты сейчас же его отпустишь.

Шэнь Сяогуан посмотрел на него с упрёком и нескрываемым разочарованием:

— Столько лет прошло, а ты всё такой же. Цзуннянь, — проникновенно произнёс он, — дедушка передал всё имущество клана в твои руки не для того, чтобы ты клеил мужиков, занимался мужеложством и прервал наш род. Ты воистину «достойный» старший внук семьи Шэнь.

Зрачки Тань Юмина сузились. В его взгляде смешались изумление и целая буря сложных эмоций.

Шэнь Сяогуан с интересом уловил выражение его лица и похлопал того по щеке дулом пистолета:

— Молодой господин Тань не знал? Амбары семьи Шэнь уже почти подчистую вычищены Цзуннянем. Коллекции, фонды, недвижимость, земельные участки и даже страховки, которые старик приготовил ему для свадьбы и выкупа за невесту — во всех этих бумагах Цзуннянь изменил имя выгодоприобретателя на твоё.

Шэнь Цзуннянь свирепо рявкнул:

— Заткнись!

— Ой, в точку попал! Вон как занервничал, — громко расхохотался Шэнь Сяогуан и продолжил рассказывать Тань Юмину: — А ещё есть базовый трастовый фонд, вступающий в силу после брака. Он самовольно изменил его правила, воспользовавшись пунктами об экстренных ситуациях и резервными условиями.

— Какой великий романтик. Ради тебя, старший молодой господин Тань, он скорее откажется от огромного трастового фонда, чем женится, — Шэнь Сяогуан, словно шакал, не отрывал взгляда от Тань Юмина, никак не в силах взять это в толк. — Я действительно никогда бы не подумал, что следующим хозяином подземных хранилищ семьи Шэнь окажешься ты.

— Знаешь, кто был предыдущим владельцем? Бабушка Цзунняня. Женщины семьи Шэнь из поколения в поколение контролировали половину состояния клана. Подземные хранилища — тайна за семью печатями. Какую площадь они занимают, сколько в них уровней и сколько их вообще — этого не знают до конца даже члены семьи. Только полноправный наследник владеет

чертежами и паролями. Спроси Цзунняня, когда именно он втайне снял отпечатки твоих пальцев и ладоней, чтобы сделать из них ключи.

Шэнь Цзуннянь стоял на коленях, прижатый к земле. Его голова была опущена, лицо смотрело вниз. Он выглядел как пленник, полностью лишённый всякого достоинства.

Шэнь Сяогуан слово за словом выкладывал его секреты перед Тань Юмином, словно зачитывал обвинительный приговор. Эти неоспоримые, тяжёлые, как горы, доказательства били по нему больнее, чем кулаки и ноги по спине, заставляя склонить голову ещё ниже.

Он уже не смел смотреть на Тань Юмина.

— Цзуннянь, ответь-ка мне. Если бы дедушка узнал, что ты извращенец, которому нравятся мужики, отправил бы он тебя в семью Тань? Передал бы он наш клан и всё состояние в твои руки? Как ты смеешь после этого смотреть в глаза дедушке и семье Тань?

Над морем раскатился гром, оглушив небеса. В голове Тань Юмина стоял гул. Белая вспышка молнии прорезала ночное небо, расколов его мутные, хаотичные мысли и расставив всё по своим местам с абсолютной, кристальной ясностью.

Тот тусклый, неясный огонёк из ночи Праздника голодных духов наконец-то разгорелся вновь. Лицо из его снов в этот миг обрело идеальную чёткость. Те имевшие причину, но не поддававшиеся описанию трепет, растерянность, тревога и беспокойство наконец-то нашли выход к свету.

Вот оно как.

Вот как всё было на самом деле.

Эротические сны по ночам, влажное бельё по утрам, крайняя степень собственничества и нервное сердцебиение — всё это возникло не на пустом месте. Предвзятая забота и слепая защита с самого детства, бесчисленные повседневные подарки, тревога при каждом расставании, те пройденные в поисках друг друга пять тысяч восемьсот сорок девять километров... Тань Юмин воплощал суть любви на практике ещё до того, как вообще понял её значение.

Просто Тань Юмин и Шэнь Цзуннянь были слишком близки с самого раннего детства. Тань Юмин неосознанно и непоколебимо поместил его на тот же уровень, что и своих родителей, Тань Чжуншаня и Гуань Кэчжи. Ему и в голову никогда не приходило, что природа этих чувств может измениться.

Ведь человек в принципе не способен искать новые возможности за рамками собственных устоявшихся представлений. Тем более никто не станет без причины вожделеть члена своей

семьи. Когда порог родственных и дружеских чувств между двумя людьми достигает абсолютного максимума, вероятность заметить их качественное перерождение падает ниже нулевой отметки.

Тань Юмин всегда считал, что они уже достигли высшей точки близости, лучшего из возможных вариантов, и что всё так и должно оставаться вечно. Оказалось, можно было стать ещё лучше, ещё ближе. Можно было завладеть им полностью.

Шэнь Цзуннянь — близкий родственник, с которым они связаны плотью и кровью, брат, превосходящий по значимости родного, неразлучный лучший друг. И, как оказалось, он может быть ещё и взаимно влюблённым... возлюбленным.

Это было очень... странно. Но тело Тань Юмина от макушки до пят пронзила какая-то пугающая, но казавшаяся абсолютно естественной дрожь пополам со сладостью.

А что же Шэнь Цзуннянь? Тань Юмин поднял голову и посмотрел на него. Тот сидел с опущенной головой, старательно избегая его взгляда.

А когда это началось у Шэнь Цзунняня? С какими чувствами в сердце он провёл рядом с ним все эти годы?

Тань Юмин завладел Шэнь Цзуннянем слишком рано. Настолько рано, что, ещё не понимая любви, уже был абсолютно уверен и твёрдо знал, что будет владеть им всю жизнь. Поэтому за осознание своих чувств ему пришлось заплатить куда бóльшую цену, чем обычным людям.

Внезапно Тань Юмин возненавидел самого себя.

Шэнь Сяогуан ударил его пистолетом по лбу:

— Твой дед и отец, наверное, очень рады и горды собой, да? Активы нескольких поколений семьи Шэнь вот так просто утекли в семью Тань. Вы набили карманы без малейших усилий, а люди из семьи Шэнь даже глотка похлёбки не получили. Молодой господин, мы тут скоро с голоду подохнем, ты это понимаешь?

Из глаз Тань Юмина посыпались искры. Его грудь тяжело вздымалась. Он с презрением плюнул прямо в лицо Шэнь Сяогуану и яростно выкрикнул:

— Это с самого начала были активы Шэнь Цзунняня, его законное наследство! Как хочет, так и тратит! Даже если он спустит всё на корм собакам, не вам об этом твякать!

Лицо Шэнь Сяогуана потемнело. Он поманил пальцем похитителей. Прижатый к земле Шэнь Цзуннянь вдруг взвился, словно вырвавшийся из клетки загнанный зверь, и бросился вперёд, укрывая Тань Юмина под собой.

На Шэнь Цзунняня тут же градом посыпались удары кулаков и ног. Тань Юмин отчаянно пытался вырваться из-под его защиты, но Шэнь Цзуннянь крепко прижимал его к себе, хрипло произнося:

— Не двигайся, я в порядке.

— Хватит! Прекратите, мать вашу! — Тань Юмин крепко обнял Шэнь Цзунняня, пытаясь руками заслонить его от жестоких ударов, но это было всё равно что пытаться остановить колесницу голыми руками. — Я убью вас! Я вас всех убью!

Шэнь Сяогуан наблюдал за этим с огромным удовольствием:

— Молодому господину Таню, наверное, плохо видно? А ну, растащите их! Бейте на глазах у молодого господина Таня!

Ещё с того банкета по случаю дня рождения четырнадцать лет назад он уяснил одну вещь: чтобы причинить боль Тань Юмину, нужно бить Шэнь Цзунняня. Эффект превосходит все ожидания.

И наоборот: чтобы замучить Шэнь Цзунняня, нужно взяться за Тань Юмина. Этот метод работал мгновенно и безотказно.

— Дорогой племянник, твоих родителей здесь нет. Так что я, как твой двоюродный дядя, возьму на себя обязанность воспитать тебя вместо них.

Эта злоба копилась в нём слишком долго, он больше не мог терпеть.

— Когда ты выгонял родного старшего дядю из дома, ты думал о сегодняшнем дне? Когда ты выкопал гроб родного дяди и выбросил его из храма предков, ты, наверное, очень гордился собой? О чём ты думал, когда перекрыл финансирование фондам братьев и родственников? Сдаётся мне, ты давно забыл свою фамилию, так спешил стать цепным псом семьи Тань.

Тань Юмин своими глазами видел, как красивое лицо Шэнь Цзунняня избивают в кровавое месиво. Казалось, кто-то живьём вырезает куски мяса из его собственного сердца — один за другим. Кровь во всём теле вскипела от ярости, он дошёл почти до иступления:

— Отпусти его! Шэнь Сяогуан, если у тебя, блядь, есть яйца, иди и бей меня! Бей меня! Давай!

Шэнь Сяогуан схватил его за волосы, заставляя внимательно смотреть, как лицо Шэнь Цзунняня с каждым ударом покрывается синяками и ссадинами:

— А семья молодого господина Таня согласна на ваши отношения? Семья Тань кичится тем,

что они порядочный и знатный род. Неужели они терпят такую грязную порочную связь?

— Как вам только совести хватает так нагло прикарманивать чужое имущество? Вы вырастили цепного пса ради денег, неужели семья Тань не боится, что однажды он укусит руку, которая его кормит?

— Тьфу! — Тань Юмин не мог пошевелиться и тяжело дышал, но на его лице читалась абсолютная непокорность. Он громко крикнул: — Это ты пёс! Вся ваша семейка Шэнь — это жалкие псы, растерявшие состояние и оставшиеся на улице! Шэнь Цзуннянь уже давно человек моей семьи Тань. Мы с ним ровня, и наши отношения абсолютно законны. А ты кто вообще такой? Да даже если мы сыграем свадьбу и будем гулять всем городом три дня и три ночи, это не ваше дело! Вы — просто кладбищенские крысы из сточной канавы, и у вас нет права раскрывать пасти!

Шэнь Цзуннянь резко поднял голову и уставился на него в изумлении. На его залитом кровью лице выделялись лишь два сверкающих чёрных глаза. Он не знал, были ли это слова от чистого сердца или сказанные лишь для того, чтобы взбесить Шэнь Сяогуана. Он был похож на волка-одиночку, которого неожиданно спасли, и теперь он замер в растерянности, до крови впиваясь пальцами в землю.

Тань Юмин, тяжело дыша, приподнял окровавленные уголки губ, улыбнулся ему и громко, словно возвещая всему миру, прокричал:

— Шэнь Цзуннянь отбивал поклоны предкам семьи Тань и совершал подношения в нашем храме! Он почтительный сын и внук моего деда, драгоценность моих родителей, любовь всей моей жизни! Он — гордость и опора всей семьи Тань! Если ты сегодня хоть волос с его головы уронишь, в будущем весь клан Тань отомстит тебе в десятикратном, в стократном размере!

— Если не хочешь проблем, немедленно отпусти его. Я буду считать, что сегодня ты просто поддался уговорам Шэнь Сяочана, и свалю всё на него. Иначе не только гроб твоего отца выбросят на безымянное кладбище, но и сам ты, поверь мне, сдохнешь страшной смертью!

Шэнь Сяогуан со злостью схватил его за воротник. Шэнь Цзуннянь яростно дёрнулся и гневно крикнул:

— Отпусти! Отпусти его! Ваша цель — я! Держать его нет смысла. Я прямо сейчас подпишу все документы о передаче имущества у нотариуса, и со мной можешь делать всё что угодно. Ты же хотел отомстить? Давай! Убивай, режь — делай что хочешь. Я не буду сопротивляться.

— Разве ты не хочешь посмотреть, как мне отрубят голову? Или хочешь использовать пытки, чтобы заставить меня умолять о пощаде? Всё что угодно, я на всё согласен. Просто отпусти его. В какие бы игры ты ни захотел сыграть, я не скажу ни слова против.

На лбу Тань Юмина вздулись вены:

— Что ты, блядь, несёшь?!

Шэнь Цзуннянь пропустил его слова мимо ушей и только не отрывал горящего взгляда от Шэнь Сяогуана:

— Шэнь Сяочан — обречённый глиняный Будда, пытающийся переплыть реку. Что ты получишь, следуя за ним? Я могу дать тебе гораздо больше. Но если ты посмеешь причинить вред Тань Юмину, я гарантирую, что ты не получишь вообще ничего. Семья Тань тебя из-под земли достанет. Сколько бы денег ты ни заработал, ты не доживёшь до того момента, чтобы их потратить.

Его лицо было покрыто жуткими синяками и отёками, а выражение было мрачным и жестоким. Шэнь Сяогуан, глядя на него, расхохотался и восхищённо поцокал языком:

— В семье Шэнь и правда оказался такой безумно влюблённый романтик. — Он прищурился и наставил пистолет на висок Шэнь Цзунняня: — Ты держишь меня за идиота? Думаешь, я снова отпущу тигра в горы?

— Ты обещал перед постелью старика, что оставишь в живых его старшего сына — ты это сделал? Ты обещал ему, что оставишь часть фондов своим младшим братьям — ты оставил?

Безжалостность, с которой Шэнь Цзуннянь в тот год «зачищал» клан, ни с кем не считаясь, оставила в памяти Шэнь Сяогуана слишком глубокий след:

— Шэнь Цзуннянь, думаешь, я не знаю, что ты за человек?

— И к тому же... — Шэнь Сяогуан с притворной жалостью посмотрел на Тань Юмина. — Дело не в том, что я не хочу оказать услугу молодому господину Таню. Просто на его жизнь покушается слишком много людей. Тут я ничего не решаю.

Шэнь Цзуннянь содрогнулся. Тань Юмин переглянулся с ним, мгновенно всё понял и сквозь зубы выплюнул:

— Семья Цзэн.

Шэнь Сяогуан презрительно усмехнулся:

— Вы перешли дорогу слишком многим. Кого тут винить?

Акции семьи Цзэн стремительно падали последние несколько дней. За этим последовали расследования властей по поводу налоговых махинаций и экономических лазеек. Они рисковали потерять право выступать соорганизаторами Ассоциации морской торговли.

Загнанные в угол, они объединились с семьёй Шэнь и спланировали похищение.

Шэнь Сяогуан с чувством произнёс:

— Если бы не молодой господин Цзэн, мы бы сегодня вряд ли встретились.

Если уж разбираться, кто тут главный организатор, а кто соучастник — сказать трудно.

Можно лишь сказать, что так сошлись звёзды. Такова судьба Тань Юмина.

Сейчас на этом судне находилась половина людей из семьи Цзэн. Влияние зала Белого Журавля уже давно было разгромлено Хэ Уфэем. Людей и ресурсов не хватало. Без серьёзной поддержки семьи Цзэн им бы не удалось так быстро всё повернуть.

Сердце Шэнь Цзунняня тяжело ухнуло вниз. Если бы это был только Шэнь Сяочан, который пришёл за ним, у Тань Юмина ещё оставался бы шанс выжить. Но раз в дело вмешалась семья Цзэн, пути назад больше нет.

К горлу Шэнь Цзунняня подкатил металлический привкус крови:

— Чего вы хотите?

— Ничего особенного, — Шэнь Сяогуан взглянул на часы. — Дорогой племянник, поторопись попрощаться со своим возлюбленным. Мы скоро выйдем в нейтральные воды. Как только пересечём пролив впереди, нас даже отдел по борьбе с организованной преступностью не догонит.

Победа была близка. Шэнь Сяогуан уверенно рассмеялся:

— Этот порт уже куплен. Твой четвёртый дядя может проводить тебя только досюда. Как только выйдем за пределы территориальных вод, ты отправишься к старшему дяде, а молодой господин Тань — на встречу с людьми Цзэн.

Шэнь Сяочан и остатки зала Белого Журавля собирались использовать Шэнь Цзунняня в качестве заложника, чтобы заставить полицию прекратить розыск, и сбежать.

Семья Цзэн собиралась использовать Тань Юмина для переговоров с семьёй Тань. Они хотели заставить их опровергнуть слухи об изменах и провести пиар-кампанию. Они не желали уступать позиции или платить компенсации, а ещё хотели сохранить место в Ассоциации морской торговли.

Когда дело будет сделано, Шэнь Сяогуан получит деньги, войдёт в руководство «Хуаньту» и унаследует семью Шэнь.

Трёхстороннее сотрудничество. Каждый получает своё. Одним выстрелом трёх зайцев.

Шэнь Сяогуан с удовлетворением посмотрел в иллюминатор, прикинув, что им осталось проплыть меньше десяти морских миль, чтобы успешно покинуть границы. Обе стороны уже отправили людей для встречи на частном причале в нейтральных водах.

— А потом мы все разойдёмся по своим дорогам, каждый в свою сторону. Разлетимся по разным краям света. Когда и где мы встретимся снова — в раю или в аду — теперь зависит только от судьбы.

Тань Юмин в своей изорванной одежде от крайней степени ярости лишь рассмеялся. Он с детства жил в роскоши, у него было всё. Но он так и не успел закрутить настоящий роман с Шэнь Цзуннянем. Ни разу толком его не обнял. Ни разу не поцеловал.

Небеса безжалостны. Момент, когда Тань Юмин осознал любовь Шэнь Цзунняня, когда осознал свою собственную любовь, и момент, когда Шэнь Цзуннянь должен был навсегда покинуть его, произошли одновременно.

Все эти годы Шэнь Цзуннянь был счастлив? Было ли ему хорошо? Жалел ли он о чём-нибудь?

Тань Юмин посмел вот так пренебречь чувствами Шэнь Цзунняня, поэтому и понёс наказание.

Чувство вины, нежелание мириться с происходящим и гнев переполняли его сердце, словно морской прилив. Смотря на него издали, с посиневшим лбом и покрасневшими глазами, Тань Юмин вдруг беззвучно, одними губами, прошептал Шэнь Цзунняню:

— Ты мне тоже нравишься.

Шэнь Цзуннянь замер, не в силах пошевелиться.

Сердце Тань Юмина сжалось от боли, и он торопливо, всё так же беззвучно, повторил:

— Правда нравишься.

Хотя этого не следовало говорить в такое время и в таком месте. Слишком поспешно, слишком хаотично, в таком жалком виде. Без должной серьёзности, словно детская игра. Поверит ли ему Шэнь Цзуннянь? Но он боялся, что если не скажет сейчас, у него больше никогда не будет шанса.

Его взгляд был таким горячим и нетерпеливым, что обжигал Шэнь Цзунняня, словно раскалённое железо.

Спину и конечности пронзила сильная боль. Скорее всего, сломалась какая-то кость. Сердце тоже сжалось в груди. Шэнь Цзуннянь стиснул зубы и попытался подползти к нему, но его тут же снова намертво прижали к полу.

Тань Юмин с тревогой смотрел на него. Он прополз пару шагов, но его тоже грубо оттащили назад. Из его горла вырвался болезненный стон.

Среди неистового ветра и бушующих волн, отсчитывающих последние мгновения, две бабочки смотрели друг на друга издали. Они изо всех сил хлопали слабыми крылышками, но были лишь мотыльками, летящими на пламя, ожидающими, когда их поглотит безбрежный водоворот.

<http://bllate.org/book/17117/1621244>